

КОРНИ

Роман
ИЛЬЯСОВ

Раввин из Коканда

**Продолжение.
Предыдущие публикации
в №№ 378 – 380.**

«Ну, что ж, покурим три минуты, пока вынесут вещи жидо-бородому врагу народа».

Он вынул папиросу из серебряного портсигара. Молодой помощник поднёс ему свою горящую сигарету - прикурить. Прикуривая, зам. начальника НКВД обратил внимание, что его помощник с какой-то жалостью поглядывает на окна дома.

«Я вижу, ты чем-то обеспокоен, боец, - обратился к нему зам. начальника, пронзительно глядя в его глаза. «Да нет, - ответил тот, стараясь не смотреть своему начальнику прямо в глаза. «Ага, наверное, жалеешь детей этого контры?» - «Ну, детей, конечно, жалко», - ответил тот, затаиваясь папиросой. «Сколько времени уже у нас, в НКВД?» - «Скоро месяц». - «Ну, вот поэтому и жалеешь, что ещё зелёный. Запомни - это дети врага народа. Их мать - это жена врага народа. И им это клеймо - на всю жизнь. Ты заметил, как этот его сын-змеёныш глядел на нас? Ему, наверное, ещё и семи нету, а его отец уже успел в нем воспитать будущего врага. Была бы моя воля, я бы вместе с врагами народа уничтожил всех их жен и детей. От волков рождаются волки. Понял?» - «Так точно, понял, - встав по стойке смирно, ответил ему молодой оперативник. «Это хорошо, что ты понял. Мы из тебя скоро выкуем политически грамотного оперативника».

Минуту спустя дверь дома распахнулась. В дверях появились заплаканная Рохел с двумя узлами теплых вещей и её дочь Ривка с узлом еды. «А где Яков? - спросила Рохел, глядя на открытые двери ворот. За воротами она услышала звук моторов автомобиля и бросилась в сторону ворот. «Вам запрещено туда, гражданочка! - опередил её зам. начальника НКВД. Сложите вещи сюда, на тахту».

Он кивнул молодому помощнику, мол, проверь, не положили ли они чего-нибудь запрещенного в узлы, и неси их в машину. Когда через пару минут машины трону-

лись, Яков прильнул к маленькому железному решетчатому окошку автомобиля. Он увидел, как выбежала на улицу его жена и, рыдая, побежала вслед за удаляющимися автомобилями.

Дорога, по которой ехали машины, была бугристой, и Якова, сидевшего внутри фургона, бросало из стороны в сторону. В фургоне было темно, но иногда свет от фары подпрыгивающей сзади машины, неожиданно ослеплял Якова, врываясь через заднее окошко. Все эти неудобства - тряска в машине и ослепляющий свет - не давали возможности Якову сосредоточиться. Яков думал о жене и о детях. «Если меня не скоро освободят, то семье придётся очень трудно», - размышлял Яков. Никаких сбережений на черный день они не имели. Когда у Якова появлялись деньги, они довольно быстро расходовались на различные пожертвования. Также деньги расходовались на то, чтобы привлечь детей к посещению занятий, проводимых Яковым в своём доме. Он постоянно покупал на базаре сухофрукты и другие восточные сладости, и ежедневно, по окончании занятий, раздавал их своим ученикам. Объяснял, что сладости им необходимы, потому что они улучшают такие качества, как память и мышление, а это несомненно способствует освоению того сложного материала, который им преподают на уроках.

Яков был фанатически убеждён в своей философии жертвования - одного из самых важных, святых дел - и всегда учил этому своих учеников. Он говорил, что если малоимущий человек делает мицву, жертвуя хотя бы немного, но последнее, а значит, самое нужное и ценное для него, то это святое деяние, имеющее в основном духовный смысл, приносит больше пользы, нежели то жертвование, которое имеет большую материальную ценность, но совершенно имущими людьми, для которых эта ценность незначительна. А значит, и пользу оно принесет незначительную. Поэтому, даже несмотря на то, что иногда собственные дети Якова оставались полуголодными, он никогда не думал о завтрашнем дне, вытаскивая из кармана последние деньги и делая пожертвования на святые дела. Сейчас же, сидя в фургоне, он был убеждён, что всё то добро, которое он совершал для людей, начнёт

теперь действовать в пользу его семьи. Он верил, что те люди, которым он помогал, и его община, для которой он жертвовал всё, что имел, на протяжении многих десятилетий, теперь помогут ему, попавшему в беду. Они не дадут опуститься его семье, поднимут его детей. Яков был убеждён, что сей мир - это мир испытаний. Творец послал людей на эту землю для того, говорил он своим ученикам, чтобы дать им возможность достичь определённого совершенства. И чем совершеннее становится человек, тем большее испытание ему определено. И испы-

таниям этим нет конца, как нет предела и самому совершенству. «То, что творец посылает сейчас меня на самые тяжёлые лишения и испытания, не сравнимые со всеми прошедшими в течение 45 лет моей жизни, - это событие вполне оправданное временем и делами, - размышлял Яков. - Я вполне готов совершить то самое важное, что предназначено сделать даже в таких ненормальных условиях и критических обстоятельствах, какие, я полагаю, существуют в тюрьмах».

Постепенно длинная дорога так укачала Якова, что он не заметил, как сполз на пол под скамейку и задремал. Проснулся только тогда, когда поднимающееся из-за дальних, восточных холмов солнце озолотило стены и потолок фургона.

...Яков с узлами в руках шёл по длинному коридору, сопровождаемый охранником тюрьмы. Охранник остановил Якова у железной двери и скомандовал: «Лицом к стене!» Яков замешкался. Охранник грубо толкнул его в спину и снова скомандовал: «Стать лицом к стене!» Яков стал, как требовалось, и ус-

лышал металлические щелчки отпирившихся замков и режущий слух скрежет открывающихся дверей, эхом отдающийся по всему сырому бетонному коридору.

Охранник приказал зайти в камеру, и Яков, повернувшись в сторону двери, глянул внутрь. «Живей!» - скомандовал охранник и толкнул Якова в спину так, что тот еле удержался от падения, очутившись в камере. За ним тут же громко захлопнулась дверь, и снова Яков услышал неприятный звук замков, теперь уже запирающихся. Вечер ещё не наступил, но внутри камеры было полутемно, воз-

дух был очень тяжёлым.

Яков взглянул на маленькое окно с железными решетками, находившееся в верхней части противоположной стены. Через окно проходил наружный свет, тускло освещая небольшое помещение, площадью примерно в 20 квадратных метров. Вдоль стен были сколочены деревянные двухъярусные стеллажи. На них и даже на сыром бетонном полу лежали и сидели арестованные. Яков на глаз определил количество людей в камере - 19 человек. По четыре человека на верхнем и на нижнем ярусах с левой стороны камеры и столько же - с правой, и ещё трое на полу.

«Я двадцатый, и моё место на полу», - понял Яков. Свободное место было только рядом с металлическим бачком, стоящим в углу за полуоткрытой занавеской, от которого несло естественными человеческими отходами.

Несколько пар глаз были устремлены на Якова.

«Мир вам всем, добрые люди!» - приветствовал он присутствующих и представился: - Меня зовут Яков, я раввин».

«Учитель!» - вдруг раздал-

ся мальчишеский голос из полутьмы. Яков вздрогнул от неожиданности. С пола вскочил мальчик, кинулся к Якову и дрожащим голосом произнёс: «Учитель, это вы? Вы не узнаете меня? Это я, Барух!» Он обхватил худенькими руками Якова и, глядя на него снизу вверх, с горечью и с радостью воскликнул: «Учитель, это Б-г послал вас! Это Б-г послал вас ко мне!»

От удивления и неожиданности Яков онемел. Когда, наконец, осознал, что перед ним действительно один из его учеников, он побросал свои узлы на пол, схватил мальчика за плечи и стал осматривать его, словно не веря своим глазам, не веря, что перед ним на самом деле его ученик.

«Учитель - это я! Я - Барух. Вы все еще не узнаете меня?» - заплакал мальчик. «Барух, сынок, я узнал тебя, - произнёс с удивлением Яков. - Почему ты здесь? Как ты попал сюда?» «Меня арестовали вчера учитель, - плакал мальчик. «Тебя? Двенадцатилетнего подростка арестовали? Как? За что?» Барух, задыхаясь от слёз, произнес: «За анекдот». «За анекдот? - переспросил Яков. - Посадить несовершеннолетнего в тюрьму за анекдот?! Это немыслимо! Я не могу поверить в это!»

Яков по-отцовски обнял Баруха и стал успокаивать его: «Не плачь, сынок. Здесь, должно быть, какая-то ошибка. Они, наверное, думали, что ты совершеннолетний, или перепутали тебя с кем-то другим. Ты им всё расскажешь - и тебя выпустят, поймут, что ошиблись».

«Нет, нет, учитель! - еще горше и безнадежнее заплакал Барух. - Они знают, что мне 12 лет. Они сказали, что у них есть статья для малолетних. Меня арестовали, когда я выходил из школы. Родители моего одноклассника написали на меня донос о том, что я рассказал их сыну на перемене, антисоветский анекдот, и что мой отец сидит в тюрьме как враг народа. Они составили протокол на меня, сказали, что я тоже, как и мой отец, - враг народа, и арестовали меня».

Яков сокрушенно покачал головой, обнял мальчика и спросил: «Твоя мать знает, что ты здесь?» «Не знаю, - ответил Барух. - Я ничего не знаю! Я боюсь у кого-нибудь что-то спрашивать здесь».

Дрожа от безнадёжности, страха и потрясения, он прижался к Якову, и, уткнувшись мокрым лицом в его плечо, зарыдал, как ребенок.

**Продолжение
следует**